

Александрия — место в Беларуси особое. Таким оно и должно быть — удивительным, пронизанным светлой энергетикой. Это село в Шкловском районе Могилёвской области, где прошли детские годы первого президента Республики Беларусь Александра Григорьевича Лукашенко. Личность первого президента неординарна и сильна — это сейчас признано всеми: и друзьями, и соратниками, и оппонентами. И тот примечательный факт, что в Беларуси, лишь в одном из государств, образовавшихся на месте бывшего СССР, президента в народе уважительно величают “батшкой” — говорит о многом. А невдалеке от тех мест находится знаменитое Буйничское поле — земля, где в июле 1941 года целый месяц шли ожесточённые бои между равшимися на Восток бронированными ордами Гудериана и стрелковыми полками Красной Армии. События эти на века запечатлены на страницах великого романа К. Симонова “Живые и мёртвые”. Тогда на месяцу удалось остановить продвижение фашистов к Москве, но удалось это ценой тысяч и тысяч жизней красноармейцев — русских, белорусов, украинцев... — всех советских людей, граждан единой Державы. Память их бессмертна.

ТАМАРА КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО

НА ЗЕМЛЕ ЛУКАШЕНКО

Александрия — Буйничское поле

Александрия встретила погожим, сухим вечером, а морозный ноябрьский воздух был так чист и свеж, что, казалось, его можно пить! Пить сладко, как хрустальную родниковую воду. Здесь, как и в посещённых нами других агропромышленных комплексах страны, живут трудолюбивые, радушные и очень жизнерадостные люди. . . Мы встречали их повсюду: в библиотеках, спортивных и тренировочных залах, в Домах культуры и в уютных современных бассейнах. . .

Всё это существует и в других сёлах и деревнях, районных городах и посёлках Беларуси, но почему-то именно здесь, в Александрии, мне показалось всё каким-то особенно светлым, излучающим тепло и радушие.

Я впервые была здесь, и мне просто по-человечески интересно было всё в этом неповторимом своей исконной красотой уголке белорусской природы: его леса и поля, улицы и дома, школа, где учился руководитель государства, его класс, его парта. . .

Мне довелось дважды встречаться с Президентом, говорить с ним. Это удивительно простой в общении, преданный всей своей жизнью служению белорусскому народу, мудрый человек с пронизательным, глубоким, всё понимающим взглядом, умеющий слушать и слышать, искренне и душевно реагирующий на каждое сказанное собеседником слово. Моё сердце сохранило тепло от встречи с ним на всю жизнь.

Я всегда внимательно слушаю все выступления, обращения к народу и беседы главы государства с представителями СМИ, его обоснованные и острые ответы.

Особенно запомнила такие слова: “Что бы мне хотелось больше всего сделать? – сказал он нынешней осенью во время четырёхчасового разговора с журналистами более чем 70 изданий различных российских регионов. – Если бы у меня были ресурсы, я, прежде всего, направил бы их на повышение благосостояния людей. Хотелось бы больше дать людям”.

А на аналогичной встрече с представителями СМИ, проходившей в Минске, в самый канун 2012 года, на вопрос одной из журналисток: “Какой самый желанный подарок хотел бы получить от Деда Мороза в Новогодний вечер Президент?” – Александр Григорьевич так искренне ответил: “Больше всего на свете я хочу, чтоб у всех у вас и в Новогоднюю ночь, и потом, после праздничных дней, было хорошее, весёлое настроение, чтобы вы были счастливы и довольны! Если будете веселы и счастливы все вы, то и я буду знать, что то, что я делаю, верно!”

В Александрии, за несколько часов до посещения Буйничского поля, со мною произошло настоящее чудо. На рассвете приснился мне дед по отцу – Рудаков Антон Никанорович, умерший более полувека назад. Человек я глубоко верующий, православный, потому в приметы и сны не верю. Но именно дедушка Антон был первым человеком в этом мире, который научил меня жить, мыслить, писать и читать... по Библии. По самой настоящей Библии, изданной в 1801 году, чудом уцелевшей!

Родилась я в послевоенные годы, 1 апреля, в землянке, по стенам которой текла вешняя вода – куда было деться-то весной от половодья... Не было ещё отстроено ни одного дома в сожженной фашистами деревне Щепятино, что на Брянщине. При свете керосиновой лампы в долгие зимние вечера дед Антон обучал меня грамоте, приобщал к изучению жизни по Великой Книге Книг. Других учебников тогда в сожженной деревне просто и не было...

...А за окном завывали метели, глубокие сугробы окружали зимой деревню, и сказочно прекрасными были те дни, до сих пор ярко освещающие всю мою жизнь своей первозданной чистотой, светом, добром, радостью от встречи с новым, неизвестным, огромным и таинственным миром.

Бабушка Алёна топила печь и пекла такие пироги с яблоками, грибами, капустой, рыбой, черёмухой, каких я больше никогда и нигде не видывала и не вкушала. А ещё блины...

Вся бабушкина жизнь была – ожидание. Вслушивание, вглядывание в окно на дорогу, на улицу... Тревожное вскидывание на любой неожиданный стук, скрип калитки. Она ждала с фронта своего сына Андриана, на которого, единственного из пяти погибших в семье братьев и сынов, не была получена похоронка... Не было получено от него и ни одного письма с фронта. Как ушёл в июне сорок первого, попрощавшись с женой и детьми, так и пропал. А на все вопросы, куда только ни писали, получали один ответ: “Пропал без вести”.

Но и для деда Антона, и для моей бабули Алёны, а для неё-то особенно, Андриан был жив до самой её смерти.

– Девки, девки! – кликала нас бабуля, всматриваясь слепыми, выплуканными глазами в даль уходящего по полю большака, – Гляньте-ка, гляньте! Идёт кто-то! Во-о-он, возле Разделка. Сбегайте, поглядите! Может, то Андриаша наш...

И мы бежали на большак, мелькая босыми пятками, взбивая чёрную, мягкую, как пух, пыль... Обгоняя друг друга, мчались навстречу незнакомцу туда, к лесу по имени Разделок. Конечно, мы не знали никакого дяди Андриана, и узнать его вряд ли смогли бы даже и по виденной у бабушки пожелтевшей старенькой фотографии, висевший в нашей хате у божницы, рядом с иконой Николая Чудотворца. Но нам так хотелось встретить его и бегом принести бабушке Алёне самую благую и долгожданную для неё весть...

И таких встреч всех идущих в нашу деревню по самым разным делам путников было немало. А бабушка потом долго плакала... Она ждала сына всю жизнь и говорила: “Ведь не было ж похоронки. Значит, жив Андриаша, жив, чуёт моё сердце... Придёт”.

Только теперь, когда я потеряла своего первенца, умницу, молодого и красивого, кровинушку свою, сына Колюшку, погибшего в автомобильной аварии белой июньской ночью 1999 года, только теперь узнала я, как оно разрывалось всю жизнь – бабушкино сердечко, как оно трепетало в надежде всякий раз, когда на горизонте появлялась незнакомая фигура пешего странника...

Мой отец Иван, вернувшийся с фронта с тяжёлой контузией, сразу же по возвращении с фронта возглавил колхоз, восстанавливал его из руин. Контуженная правая рука никак не поддавалась, и он научился писать и делать всю крестьянскую работу левой. По просьбе бабушки отец писал письма и в Центральный музей Великой Отечественной войны, и в военкоматы, но ответы снова и снова были всё те же: “Пропал без вести”, или: “Сведений о гибели Рудакова Андриана Антоновича нет”.

Много лет прошло с тех пор, как нет уже ни моего отца, ни деда Антона с бабушкой. И только один раз за всю жизнь приснился мне дед. Это было за семь дней до трагической гибели сына. В том горьком сне, потрясшем меня, дедушка был ранен, кровь буквально лилась из раны. И он чётко повторял горькие, пронизывающие моё сердце даже во сне жестокой болью, слова: “Больно мне, больно! Больно мне...”

Но я не верила в сны, наученная им же, моим любимым дедушкой, верующим в Бога, как и положено православному человеку: “К гадалкам и чародеям не ходи... Толкованиям не верь... Только Господу Богу одному поклоняйся, Ему верь, за Него держись...”

Потому нынешний случай “явления” деда Антона просто подкинул меня в кровати, там, в уютном и тихом гостиничном номере, в Александрии:

– Нина! – разбудила я Чайку Нину Тимофеевну, свою коллегу и соседку по номеру:

– Нина! Какой страшный приснился мне сон! Очень тревожный! Я не верю, конечно, никаким снам. Но у меня уже был такой, похожий: видела я деда Антона во сне один раз... Правда, не так. Сегодня он был спокоен. Тих. И была забинтована его грудь, и рука – правая... Весь седой и белый, как снег, мой дед ничего не говорил, не жаловался. Он молчал. Но каким был его взгляд! Будто что-то очень важное, важное и главное хотел он сказать...

– К перемене погоды, – отозвалась Чайка, – успокойся...

И мы стали собираться в дорогу. Начинался новый, плотно насыщенный мероприятиями день нашей поездки. Первым таким мероприятием было посещение Буйничского поля.

В автобусе руководство Могилёвского облисполкома предусмотрительно организовало для нас просмотр документального фильма по материалам книг и исследований могилёвской группы “Поиск” под руководством писателя Николая Борисенко. Хочу привести некоторые цитаты из этого фильма.

“За первые 4 дня войны призывные пункты Могилёва, – говорил голос за кадрами исторической военной хроники, – направили в Красную Армию около 25 тысяч человек. За семь дней вокруг города были созданы две линии обороны. В народное ополчение вливались жители всей области. Они трудились без устали на строительстве оборонительных сооружений, в городе улицы превращались в баррикады, дома – в крепости.

3 июля в междуречье Березины и Днепра уже шли жестокие бои с передовыми подразделениями немецкого 46-го танкового корпуса Второй танковой группы генерала Гудериана.

На Западном берегу Днепра, перекрыв шоссе Могилёв–Бобруйск и Могилёв–Минск, оборону держали 388-й и 514-й полки регулярной армии, на восточном – 747-й стрелковый полк. Но уже 6 июля под натиском превосходящих сил противника отряды отошли вглубь обороны дивизии. С каждым днём противник всё усиливал натиск. Город подвергался многочисленным бомбардировкам. Наши воины стояли не просто храбро. Это было героическое, до смерти, стояние Советского народа против мощной силы зла фашизма.

Наиболее тяжёлые и жестокие бои развернулись в районе Буйничского поля. У деревни Буйнички проходил передний край обороны, где противотанковый ров, смыкаясь с оврагами, упирался в Днепр. С 10 июля противник подвергал практически несмолкающему артобстрелу и массированной бомбардировке позиции 388-го полка. Тем не менее, 12 июля, упредив атаку, советская артиллерия, открыв огонь по скоплению немецких танков, нанесла врагу значительные потери.

Перейдя в наступление, противник направил на советские позиции через Буйничское поле семьдесят танков. Бой продолжался четырнадцать часов. Наши храбрые воины подбили и сожгли, используя бутылки с горючей смесью, тридцать девять вражеских танков и отбили несколько атак противника!

13 июля воины полка контратаковали противника и отстояли рубеж обороны. Несмотря на то, что бои носили неимоверно ожесточённый характер и во все последующие дни, свои позиции советские воины удерживали до 22 июля, героическим стоянием, практически полностью окружённые врагом, обеспечивали укрепление обороны нашей армии на Смоленском и Московском направлениях”.

13 и 14 июля на Буйничском поле находились корреспонденты газеты “Известия” писатель Константин Симонов и фотокорреспондент той же газеты П. Трошкин, который сфотографировал скопище подбитых немецких танков на Буйничском поле. Снимок этот в “Известиях” увидела вся страна.

События той героической обороны нашли отражение в романе К. Симонова “Живые и мёртвые”, а прототипом героя романа генерала Фёдора Серпилина стал реальный человек полковник Семён Федорович Кутепов.

О глубине тех переживаний Константин Симонов потом в своей жизни не раз писал и в своих публицистических материалах, и в дневнике “Разные дни войны”, и во многих статьях и книгах. Вспоминал он Могилёв наряду с Москвой, Ленинградом, Одессой, Севастополем, Сталинградом: “Я не был солдатом, был всего только корреспондентом, однако у меня есть кусочек земли, который мне вовек не забыть, — поле под Могилёвом.

*Тот самый длинный день в году,
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду
На всех, на все четыре года.*

*Она такой вдавила след
И столько наземь положила,
Что через двадцать, тридцать лет
Живым не верится, что живы...”*

Константин Симонов вспоминал и такой эпизод:

“...Середина поля. Могилёв. С восточного берега на западный перекинут единственный деревянный мост. На нём ни одной пушки, ни одного зенитного пулемёта. Мы переехали на западный берег Днепра, в полк, оборонявший Могилёв.

В этот день был тяжёлый, кровопролитный бой. Полк разбил сорок немецких танков, но и сам истёк кровью. Вечером мы говорили с командиром полка полковником Кутеповым... На его обросшем, небритом и усталом, смертельно усталом лице в самые тяжёлые мгновения вдруг проявлялась неожиданно мягкая, детская улыбка.

Мы сказали ему про мост. Там нет ни одного зенитного пулемёта, если немцы разбомбят мост, то он с полком будет отрезан здесь, за Днепром.

— Ну и что ж, — Кутепов вдруг улыбнулся своей детской улыбкой. — Ну и что ж, — повторил он мягко и тихо, как будто говоря о чём-то самом обычном. — Пусть бомбят. Если другие отступят, мы решили тут остаться и умереть, всем полком решили. Мы уж говорили об этом...”

Читаю, как Евангелие, как Святцы. Особенно, по буквам, слово кровопролитный... Кровь лилась, не водица. Человеческая кровь лилась рекой здесь, за нашу землю. И мы, живые, которым завещано самое дорогое... Не всё мы сберегли.

*Ах, своя ли, чужая,
Вся в цветах иль снегу...
Я вам жить завещаю,
Что я больше могу.*

*И у мёртвых безгласных
Есть отрада одна:
Мы за Родину пали,
Но она — спасена...*

(А. Твардовский “Я убит подо Ржевом...”)

Нет той великой и мощной державы под названием Союз Советских Социалистических Республик, в котором мы родились и беззаботно росли. Враг вновь готов обнажить клыки над многострадальной Россией и бывшими Союзными Республиками, ныне независимыми государствами, так кровно связанными между собой, что и до сих пор эта боль не прошла, пульсируя в разорванных по живому жилах.

В послевоенные годы разрухи невыносимую боль солдат Победы, пришедший с войны калекой, запивал горькой стопкой. Пытался залить солдат огонь своей неизбывной боли, но он не становился меньше...

Снова пьяный дядя Ваня...

— Ну, зачем ты столько пьёшь?..

— Выпью, меньше ноют раны.

Впрочем, вряд ли ты поймёшь.

Что тебе до нашей части?

Снова в город убежишь.

Вся держава в одночасье

Пала, видишь, и лежит...

Так писала я в своём стихотворении “День Победы”. Потому строки Александра Твардовского из его стихотворения “Я погиб подо Ржевом...” снова вспоминаю, как укор, как назидание:

*Вы должны были, братья,
Устоять, как стена,
Ибо мёртвых проклятье —
Эта кара страшна...*

*...Если б залпы победные
Нас, немых и глухих,
Нас, что вечности преданы,
Воскрешали на миг,*

*О, товарищи верные,
Лишь тогда б на войне
Ваше счастье безмерное
Вы постигли вполне...*

Слава Богу, здравый смысл сегодня вновь собирает под свои знамёна молодые независимые государства, для того чтобы сохранить, укрепить, выжить в этом бою за лучшую жизнь, и снова миссия Александра Григорьевича Лукашенко проявилась в том, что он в изнурительных, часто невыносимых условиях сберёг Беларусь и Союзное государство. И теперь — ведёт нас в новый Евразийский Союз, где не будет ни доминирования более сильного, старшего над младшим, ни превосходства одних над другими, ни по языковым принципам, ни по национальным.

Союз, где будет у каждого народа своя, неповторимая, ему одному исторически предназначенная миссия.

Ведь наша земля принадлежит именно нашему народу, а не отщепенцам, призывающим ввести на свою землю войска НАТО для “наведения порядка”, продавшим давно уже и честь свою, и совесть за денежные гранты, готовым на любую ложь, любую грязь ради одной только цели — завоевания власти. И это стремление отнюдь не обусловлено заботой о народе. Кроме себя, они заботиться ни о ком не привыкли. Сегодня на любом их сайте в интернете — обвал ненависти, злобы, угроз, лжи...

Любым путём — власть!

А Евразийский Союз, только что рождающийся, уже заявляет о себе, даёт надежду как единственная возможность слить воедино не только богатство пространств, а и могущество верований, культур, неповторимости индивидуальных особенностей каждого народа.

И вот уже появляются новые возможности. Рынок становится единым

в странах Евразийского Союза, и это привлекает инвестиции государств, раньше не рисковавших работать в Беларуси. А нынче, при изменившейся ситуации, они уже готовы вкладывать свои средства в автомобилестроение, например, весьма актуальное для Беларуси. А это – новые рабочие места, это – новые возможности автомобильного рынка в стране. Это, наконец, дополнительные налоги в бюджет государства! Это и расширение культурного взаимодействия разных народов.

... К Буйничскому полю мы подъехали незаметно и как-то очень уж скоро. Я, впервые ступив на святую, политую кровью землю, осенив себя крестом, готова была заплакать. Внимание привлёк огромный камень, на нём мраморная доска со словами: "...Всю жизнь он помнил это поле боя 1941 года и завещал развеять здесь свой прах".

И подпись: "К. Симонов".

Судьба писателя теперь навек связана с Буйничским полем, которое он не смог забыть и перед смертью.

Мемориальный комплекс на Буйничском поле был открыт 9 мая 1995 года. В центре него – 27-метровая каплица – символ величия воинского духа славян, здесь же военная техника времён Великой Отечественной войны... Стены часовни расписаны фресками, в нишах размещены мраморные доски с именами погибших, а в самом центре установлен маятник Фуко – символ вечной жизни, вечного движения в память обо всех, кто погиб на этом поле в 1941-м. Над каплицей – крест.

Экскурсовод рассказывает о том, что поисковики до сих пор ведут раскопки в местах бывших боёв, находят полуистлевшие документы, залитые кровью, и как часто сложно бывает восстановить имя погибшего...

...О том, что расшифрованные имена найденных здесь погибших солдат до сих пор вносятся в мемориальные списки, чтобы сохранить их в памяти народной...

...О том, что именно здесь погибли многие, призванные в первые дни войны. Особенно запомнились слова: "Все погибшие здесь, на Буйничском поле, для России до сих пор – без вести пропавшие..."

Разве думали, могли думать солдаты, отдавшие в боях Священной Великой Войны самое дорогое, что есть у человека, – жизнь свою за Отечество своё, о "парадоксах национального самосознания"...

И о том, какие "битвы" развернутся в освобождённых ими от фашизма странах между родными братьями – славянами...

*...Не думал дядя Ваня... Разве мог
Он думать среди боя под Варшавой?
Горела, уходила из-под ног
Земля... Он шёл на пулю — не за славу.*

*Не за богатство шёл, а за страну,
Не думая, что за страну — чужую...
Он был солдатом. В огненном бою
Он шёл вперёд — за Родину родную.*

Из стихотворения "День Победы" Т. Красновой-Гусаченко

Разве мы, русские, белорусы, украинцы – славяне – не единый народ?.. Не объединены ли мы все идеей России – единой великой славянской Державы, что и не прощают нам чуждые силы...

*Хотя враждебно чужбиной
И были мы разлучены,
Но всё же — мы народ единый,
Единой матери сыны;
Вот, вот что ненавидят в нас!
Вам не прощается Россия,
России не прощают в вас!*

Фёдор Тютчев. "Славянам"

Я читала имена погибших на мраморных досках. Сколько их... Чьих-то отцов, братьев, сынов...

И вдруг, как молнией обожгло: в самое сердце вонзилась боль. На противоположной стене, в середине огромного скорбного списка фамилий — огнём полыхнуло родное имя — Рудаков! А дальше — инициалы — А. С. Да это мой дядя! Андриан! Ах, дед, как же ты мне неспроста приснился! Вот же какое чудо. Дед мой Антон через пятьдесят лет из своего забвения послал весть. Здесь особая аура... Эти поля, река, лес, и такое чистое не по-осеннему небо — поистине, необыкновенны.

Высшей волей и высшим могуществом всё predeterminedено в этом мире? Здесь место с мощным космическим биополем, в котором воплощаются энергетические послы вечности... и сюда прилетают, и могут прилетать — Ангелы, как сказала бы моя бабушка Алёна.

Это здесь — сила Священной Земли, политой кровью погибших её сынов, отдавших жизни свои за Великую Родину, страну, созданную для равноправной и спокойной жизни всего многонационального народа.

А сегодня таким государством на всём пространстве бывшего СССР осталась только Беларусь! Но ведь она могла тоже пойти по другому пути. И в том, что этого не произошло, — заслуга нашего Президента.

Я вдруг так ясно поняла, ощутила: как она переполнена, чаша моей боли! Она тяжела от того, что они есть, и они — рядом, живут в одном со мною времени — те, кто упорно не только стремится, но и способен погубить то, что завоёвано такой ценой. А самое обидное, что они не хотят видеть, понимать, ценить и беречь то, за что наши деды и отцы отдали свои жизни.

И уже слёзы, которые подкатывали с самого нашего приезда на Буйничское поле, неудержимо хлынули из глаз. Я не могла и не хотела их сдерживать, потому что это были слёзы моего стояния в этой жизни. И это были слёзы человека, нашего того, кого так ждали в родном доме, где до самой смерти, до последнего вздоха верили, в то, что он вернётся. Именно мне выпала честь найти через столько лет “пропавшего без вести” брата моего отца, сына моего деда Антона и бабушки Алёны. Защитника Отечества!

А ведь искали столько лет все родные... Но даже в списках самых авторитетных мемориалов не было его имени среди погибших. Да и не могло быть! Ведь здесь же написано: А. С.! А у дяди инициалы другие: он — Андриан Антонович...

Но экскурсовод и подошедший член отряда поисковиков искренне убеждают меня, что таких ошибок — множество, что из Франции даже приезжала семья, и у них тоже инициалы не совпадали... По останкам погибших, медальонам, найденным поисковиками, часто с очень большим трудом удавалось разобрать даже фамилию... А потом долгие упорные поиски подтвердили, что это был всё-таки их отец...

По возвращении из поездки я связалась со своими сёстрами и дочерью погибшего. Рассказала обо всём. Пообещала дойти до конца в поисках истины. Вот уже месяц — звоню, пишу в Могилёв, возобновила поиски и в интернете... А сегодня, в канун праздника Николая Чудотворца, Николая зимнего, особого Предстателя за всех без вести пропавших, ясно так вдруг мне стало: это он! Наш Андриан!

И самое верное тому указание — дозволенное свыше явление моего деда Антона во сне, в ту ночь, в Александрии... Он, такой родной и незабвенный, напомнил: только сердцем можно **всё** увидеть.

Здесь он, Андриан Антонович Рудаков! Не без вести пропавший, а погибший Солдат Победы, найденный чудом: ведь могло и не быть меня в этом путешествии... А теперь я знаю: наш Андриан в Могилёве, на Буйничском поле, в самом начале войны, защищая Родину, сложил свою голову. Потому и не было ни одного письма с момента его призыва в июне 1941 года.

Даст Бог, на Троицу поедем поклониться...

*...Ещё — незабвенная, светлая сила
Моя, где кресты и родные могилы.
Ещё — моя сила, в тиши помолясь,
Воды родниковой из чистой криницы
Испить... низко в пояс тебе поклониться,
Моя золотая, родная земля.
Вот в чём она, вечная сила моя...*